

УДК 94(47).08

ВНЕШНИЕ МИГРАЦИИ ЖИТЕЛЕЙ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ В 1861–1917 гг.

А.Н. КУРЦЕВ*Курский государственный университет*

e-mail: kur-ist@mail.ru

В статье дается сравнительная характеристика двух форм внешних миграций: иммиграции и эмиграции, имеющих трудовой характер. На основе статистики и архивных данных автор исследовал их важнейшие черты за 1861–1917 гг. на примере Центрально-Черноземного региона, указав, что первая получила более раннее развитие, отличалась безвозвратностью и ассимилированием иностранцев. Трудовая эмиграция зародилась позднее, оставшись преимущественно возвратной и менее значимой для этого региона.

Ключевые слова: история, Центрально-Черноземный регион, 1861–1917 гг., иммиграция, эмиграция.

Период 1861–1917 гг. в России показал развитие внешних миграций как перемещений людей между государствами на постоянное жительство и временное пребывание. Важнейшее значение имела трудовая мобильность (в отличие от учебной и др.), в особенности безвозвратная, создающая возможности для ассимиляции мигрантов.

Максимум таких миграций закономерно приходился на российское приграничье, в т.ч. массовая эмиграция западных уроженцев в Северную Америку. Для внутренних территорий страны была больше характерна иммиграция с уменьшением числа иностранцев от центра на восток, особенно севернее.

Так, к 1867 г. столичные Петербургская и Московская губернии привлекли 18 602 и 5 340 иноземцев; Центральное Черноземье, включавшее тульскую и рязанскую местности, от 320 чел. – первая, до 217 лиц – вторая; близкие окраины: Донскую обл. на юге избрали 127, а северную Вятскую губ. – лишь 62 души¹.

Рассмотрим процесс расселения чужеземцев в русской провинции на примере Центрально-Черноземного региона (ЦЧР). В 1861 г. колонии таковых имелись в губернских и нескольких уездных городах, причем более всего в Курске – 90 лиц при 22 чел. в Белгороде, являвшимся важнейшим пунктом южной оконечности Курщины. В более восточном Воронеже осело 46, а уездном Боброве – 8 «иностранных подданных».

Северные губернии ЦЧР дали 35 душ в Туле при 9 живших в Белеве, Рязань же с ее 22 чел. обошел «фабричный» Егорьевск – 28 лиц. Средняя полоса региона также имела понижение показателей в восточном направлении: Орел с 43 и Брянск с 7 чел. против Тамбова с 10 и Моршанска с 7 иноземцами².

Различия уровня оседания в пределах данного региона породила близость его западных губерний – от Тульской до Курской – к основному потоку мигрантов, шедших с запада, при приеме последней и людей с южного зарубежья.

Однако на 1836 г. даже по Курску лица нерусского подданства составляли лишь 32 души, а по южному Белгороду они еще не значились вообще³, т.е. к 1861 г. динамика их прироста за четверть столетия в среднегодовом исчислении соответственно равнялась как более 2 и менее 1 чел.

¹ Статистический временник Российской Империи: II. Вып.1. СПб., 1871. С. 74–75.

² Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861–62 г. СПб., 1863. Ч. 1: IX. Воронежская губерния. С.1, 11; XVIII. Курская губерния. С. 1, 8; Ч. 2: XXVI. Орловская губерния. С.1, 12; XXXII. Рязанская губерния. С.1, 9; XXXIX. Тамбовская губерния. С. 1, 25; XLI. Тульская губерния. С. 1, 15.

³ Исторический и географический путеводитель по Курской губернии от орловской границы до харьковской на 241 1/2 верст: составлен В.Н. Левашовым в 1837 г. / Публикация А.И. Раздорского. СПб., 2010. С. 54, 103.

Быстрое нарастание притока иностранцев, особенно в провинцию, обязано модернизирующему влиянию пореформенного времени в совокупности с выталкиванием излишков населения западными странами, а позднее и другими окружающими Россию государствами. С 1862 по 1867 г. численность иммигрантов среди всего постоянного населения Курской губернии выросла с 283 (при 42% женщин) до 313 (уже 43% женщин), дав в среднем прирост в год сразу в 5 людей⁴.

В 1865 г. перепись города Курска охватила опросом 44 мужчины с кратким упоминанием и женской составляющей категории «иностранцы»: в основном из Германии и Австро–Венгрии, первые преимущественно мелкие предприниматели, включая нескольких в купеческом статусе; «французы – большей частью учителя, гувернеры и отчасти торговцы», английские подданные – «исключительно гувернантки», аналогично швейцарцам – «гувернерам и гувернанткам», «шведы – почти все ремесленники», как и австрийские евреи, оттуда же поляки различных профессий и отдельные «венгерцы», имелись также богатые греки с табачными фабриками и т.д.

Типичной фигурой первого поколения иноземных граждан Курска оставался гувернер для дворянских отпрысков, характерный атрибут еще крепостного времени, в т.ч. такое лицо, как Бижон Юлий: «сословием» – «иностранец», «народности» – «француз», «вероисповедания» – «римско-католического», «занятие» – «гувернер», «семейное положение» – «холост», «грамотность» – «грамотен, обучался за границей». Всего зарубежное образование имели 32 мужчины и 22 женщины.

Иммигрантское сообщество, номинально связанное едиными сословными нормами иностранца, отличалось разобщенностью, несмотря на удобства компактного проживания в рамках отдельного небольшого города (55 тыс. чел.).

Организованные формы иммигрантской жизни подменяло ее включение в разные религиозные общины местных жителей и внутренних мигрантов (привислянских поляков, прибалтийских немцев, украинских евреев), более всего в «католическую»: «поляков, французов, итальянцев, венгерцев, немцев–католиков, швейцарцев–католиков» и т.д.; и «лютеранскую»: «немцев–лютеран, швейцарцев–лютеран, шведов» и др. Зарубежные элементы еврейской диаспоры состояли в иудейской общине Курска. Отдельные представители вышеуказанных конфессий, перешедшие в российское подданство и православие были вообще рассеяны по ряду приходов города, населенного на 95% православными.

Интеграционное влияние имел процесс ассимилирования иностранцев в великорусов, особенно их потомков: «обрусевшим через принятие веры и русского языка немцам, французам и проч.»⁵

Результаты пореформенной иммиграции рисуют данные всеобщей переписи на 28 января 1897 г. Вначале сравним две полярные губернии – столичную Петербургскую и периферийную Курскую – в отношении динамики поступления иностранцев за 1868–1896 гг. В первой за три десятилетия они увеличились до 24 168 лиц, или на 30% к 1867 г.

Вторая же довела чужеземный контингент до 653 душ, что дает с 1867 г. рост в 124%, т.е. в 4 раза превзойдя столичный темп, но при сохранении отставания от его итога в людях: 5 566 в метрополии и 283 в провинции. Одновременно среднегодовая динамика численности иммигрантов Курской губернии достигла с 1868 по 1896 г. максимума – 11 чел., в сопоставлении с дореформенными годами (всего около 2 с 1836 г.) и первым пятилетием после отмены крепостного права (уже 5 душ)⁶.

В целом по губерниям ЦЧР перепись 1897 г. выявила 2 960 «иностранцев подданных» (2 742 как «постоянных жителей» и 218 как «временно проживавших»,

⁴ Статистические сведения о Курской губернии за 1862 год // Труды губернского статистического комитета: Вып. 2. Курск, 1866. С.3: Статистический временник... С. 74–75.

⁵ Бесядовский И. Однодневная перепись наличного населения г. Курска и его подгородных слобод: Ямской, Стрелецкой, Казацкой и Пушкарной в 1865 г. // Труды... С. 185–190, 214, 252–253.

⁶ Общий свод по Империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. Т. 1. СПб., 1908. С. 8.

т.е 93% на 7%), или 0,023 % к 12,8 млн чел. «наличного населения», в т.ч. в Курской – 635, или 0,027 % к 2,4 млн; Тамбовской – 592, или 0,022 % к 2,7 млн; Орловской – 557, или 0,028 % к 2,0 млн, Воронежской – 554, или 0,022 % к 2,5 млн; Тульской – 374 чел., или 0,026 % к 1,4 млн; Рязанской – 228, или 0,016 % к 1,8 млн⁷.

Для подробного анализа состава чужеземцев в Центральном Черноземье изберем Курскую губернию с первым местом по абсолютной численности и вторым на регион относительным показателем.

По «месту рождения» из 635 иноземцев «уроженцами других государств» оказалась в губернии лишь 254 чел., или 40,0%, т.е. иммигранты первого поколения уже составляли меньшинство.

Основной контингент – 381 чел., или 60,0% – родился в России, будучи только потомством чужеземцев. Фактически указанные лица уже были коренными россиянами, оставаясь лишь формально «иностранными подданными», приобретая по наследству данный статус от родителей -иммигрантов.

Из российских уроженцев с заграничным подданством 192 чел., или 50,4 % к составу в 381 персоны родились в пределах Курской губернии. При этом 175 чел., или 91,1 % к группе из 192 курян были «уроженцами того же уезда, где живут» на время переписи, что говорит об оседлом образе их жизни. Только 17 чел., или меньше 9 % были родом из других уездов Курской губернии.

Последние 189 чел., или 49,6 % к 381 иностранцу фигурируют как «уроженцы других губерний» Российской Империи, которые прибыли в пределы Курщины в качестве участников внутренних миграций.

В обрусении чужеземцев второй стадией (следующей после рождения на российской территории) выступало овладение ими русским языком как «родным». В Курской губернии признали родным «великорусский» язык 185 иностранцев, что номинально составляло 29,1 % ко всем 635 иностранным подданным, но фактически относилось лишь к 381 российскому уроженцу, что даст уже 48,6 %.

Вместе с людьми, у которых родными стали «малорусский» (18 чел.) и «белорусский» (1 чел.) языки, единая группа носителей «русских языков» состояла из 204 чел., или 53,5 % к российским уроженцам иноземного происхождения.

Наконец, отметим представителей других славянских языков – 134 чел. (включая польский – 67 чел.).

Следовательно, к славянству (считая с русскими) принадлежало 338 чел., или 53,2 % иностранных подданных, а применительно к контингенту российских уроженцев – 88,7 %.

Помимо славян, особенно много обитало немцев, которых объединял один «родной» язык - «немецкий»: 209 чел., или 32,9 % всех чужеземцев.

Прочие языковые группы имели минимальное представительство: «романская» (в основном – французы) – 47 чел., «турецкая» – 21 и т.д.

Большинство иностранцев официально принадлежали к Германии (в т.ч. с прежними Пруссией и т.п. германскими княжествами) – 238 чел., или 37,5% ко всем 635 лицам; и «Австро-Венгрия» – 201 чел., или 31,7%.

Дальние государства Западной Европы имели немногочисленное представительство: Франция – 29 чел., Швейцария – 28, Великобритания 19, Италия – 11, Голландия и Швеция – по 5, Испания – 3, а также Бельгия, Дания и прочие – по 1 лицу.

Из близких по религии стран более всего вышло людей из Греции – 21 чел., Сербии – 6 и Черногории – 1. Смежную Болгарию представлял 1 славянин, из Румынии же оказалось 8 выходцев.

К сопредельным южным государствам относились подданные Турции – 34 чел. и Персии – 23.

⁷ Общій свод по Империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. Т. I. СПб., 1908. С. 8–9.

В Курской губернии из 635 «наличных» иностранцев проживали в ней «постоянно» 617 чел., или 97,2 %; «временно» же пребывало всего 18 чел., или менее 3 %.

Рассмотрим специфику расселения чужеземцев. В сельской местности (на почти 2,2 млн селян) таковых обитало 308 чел., или 47,5 %, что указывает на дисперсный характер и этническую изоляцию их проживания, повлекших повышенное обрусение (34,3% на 29,1% целиком по региону). В местных городах (при лишь 222 тыс. чел.) – уже 327 чел., или 51,5 %, особо компактно – в губернском центре 212 чел., или 33,4%, но с минимальной долей русскоязычных людей (23,6% против 29,1% на регион). Удельный вес выходцев из других стран в составе жителей Курска (76 тыс. чел.) достиг 0,27 %, превосходя в 10 раз губернский уровень (0,027 %). В наиболее крупных уездных городах окрепли небольшие колонии иноземцев: в самом южном – Белгороде оказались 46 душ на 36 лиц в селах уезда, всего 82 чел.; в западном Путивле – 13 и 39 в уездных селениях, итого 52; и др. Зато в восточном Тиму насчитали 1 на 13 в сельской местности; на северный Фатеж не пришлось вообще ни одного при 7 чел., живших в его округе.

В целом соотношение полов у иностранцев выровнялись, став к 1897 г. равноценным структуре оседлого сообщества, в т.ч. здешних жителей: 320 женщин (50,4 %) на 315 мужчин (49,6 %). Резкая диспропорция существовала только среди уроженцев отдельных стран: например, у граждан Франции – 25 женщин (86,2 %) на 4 мужчины; наоборот, у турецких подданных – 28 мужчин (82,4 %) на 6 женщин.

Возрастной состав источник рисует по отношению сразу ко всем иноземцам: молодые (до 19 лет) – 246 чел., или 38,7 %; трудоспособный контингент (от 20 до 59 лет) – 342 чел., или 53,9 %; старики (от 60 лет) – 47 чел., или 7,4 %. По сравнению с россиянами иностранные подданные имели повышенное представительство трудоспособных людей, значительно меньше молодежи и несколько больше лиц преклонного возраста.

В отношении семейного положения известно, что в браке состояло 32,0% иностранцев (104 женщины и 99 мужчин), учтено было даже вдовство – 5,5 % чел. (21 женщина и 14 мужчин).

Иммигранты намного превосходили россиян по уровню образования, в особенности женщины. Среди лиц старше 10 лет у иностранцев было «неграмотных» (на любом языке) лишь 11,8 %, или 61 чел., в т.ч. 32 мужчины и 29 женщин. «Грамотных» же оказалось 88,2 %, или 454 чел., в т.ч. 238 женщин и 216 мужчин.

Со средним образованием, включая специальное, их было 164 чел. (98 женщин и 68 мужчин), т.е. 25,8 % ко всем 635 иностранным подданным. С вузовским обучением – 11 чел. (включая 1 женщину), или 1,7 % соответственно, в 34 раза обогнав в этом россиян (0,05 %).

«Занятия» населения в материалах переписи 1897 г. даны применительно к «народностям». Поэтому к «немцам» отнесли 1 018 чел., объединив германских и австрийских выходцев с российскими подданными из большой немецкой диаспоры Курщины. Основные сферы приложения труда – разнообразная «частная» деятельность и промышленное производство.

Из нескольких этносов с женской доминантой выделяется французский, включавший швейцарцев и т.п. – 68 чел., в т.ч. 51 женщина и 17 мужчин. Средством существования 54,5 %, или 37 чел. (собственно работающие и члены их семей), из них 31 женщина и 6 мужчин, осуществляли «учебную и воспитательную деятельность» (преподавание и гувернерство). К частной прислуге относились 8 чужеземцев (5 женщин и 3 мужчины) и т.д.⁸

В последующие два десятилетия поступление новых иммигрантов переживало замедление, включая столицу: чужеземцев в г. Петербурге к 1897 г. было 22,1 тыс. чел., а в 1910 г. лишь 22,9 тыс., т.е. в пределах минимального естественного прироста

⁸ Первая всеобщая перепись населения Российской Империи, 1897 г.: XX. Курская губерния. СПб., 1904. С. 1, 4, 49, 98–99, 184, 266–269.

ранее прибывших из зарубежья людей, что объясняется их переизбытком на рынке труда в условиях растущих кадров отечественных предпринимателей и квалифицированных специалистов⁹.

По Курской губернии имеются сведения о германских подданных – мужчинах в возрасте 18–45 лет на 25–26 июля 1914 г. в связи с началом Первой мировой войны: это 55 лиц в групповых перечнях и арестованные с запозданием О.К. Мартенс и Н.К. Реелитц, т.е. 57 человек в регионе¹⁰.

Перепись 1897 г. показала 121 германца всех возрастов. Поскольку этот источник содержит лишь обобщенную информацию о повозрастном распределении в десятилетних интервалах всего сообщества иностранцев, выявим мужчин 20–49 лет и получим искомые 49%, дающие 59 немцев данного возраста на 1897 г. к 121 лицу мужского пола, что близко к группе из 57 чел. на лето 1914 г.¹¹ Таким образом, число таковых за 1897–1914 гг. практически не увеличилось.

Обращает внимание и абсолютное отсутствие к 1914 г. в поименных списках германцев фамилий потомков иммиграционной волны предреформенной эпохи, которая за полвека исчерпала свой потенциал¹². Как вспоминал рожденный в 1861 г. сын тульского помещика, подобные иноземцы: «выписанные немцы» для работ, «английские бонны» для детей и т.п. в новых условиях быстро теряли рабочие места как «никуда не годные», в лучшем случае они «уехали на Родину», большинство старело и постепенно умирало, оставшись бездетными и становясь бездомными¹³.

Иммиграционному притоку пореформенного времени удалось надолго (предприниматели) или временно (специалисты) заполнить дефицитные сферы приложения труда: от экономики до культуры, особенно ускорив социальный прогресс российской провинции.

К 1903 г. крупнейший иностранный делец Центрального Черноземья, англичанин Р. Барсельман обеспечил бурное развитие здесь целой отрасли сельского хозяйства – комплексного птицеводства с продажей его продукции по всей России и даже Европе, что позволило миллионам местных крестьян повысить доход от домашней птицы (куры и гуси давали в скупку мясо и яйца).

За 1890-е гг. «скупка птицы и откармливание ее, скупка и хранение яиц создали в Тамбовской губернии обширную отрасль птицепромышленности. Наиболее типичным представителем этой промышленности является английский подданный Р. Барсельман, устроивший при ст. Есипово Юго–Восточной железной дороги огромное заведение для откорма, убоа и хранения птицы, а также и для хранения яиц в особых холодильных помещениях. Все это предприятие совершенно организовано, обладает большими средствами...», принося деревне на каждую курицу лишь за яйца по 1 руб. в год. Отсюда именно «эта отрасль, как промышленная, составляет исключительное занятие крестьян, продающих ежегодно огромное количество птицы (кур и гусей по преимуществу) и яиц¹⁴.

За тот же год по Курской губернии сообщалось о ежегодном вывозе товара птицей и яйцами на 6 млн руб., в основном через город Белгород, где «имеются громадные склады г. Барсельмана», а также действовали аналогичные фирмы из Британии и Германии¹⁵.

⁹ Общій свод... С. 8; Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.): статистические очерки. М., 1956. С. 129.

¹⁰ Государственный архив Курской области (далее ГАКО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 8521. Л. 13–19, 94; Д. 8916. Л. 1.

¹¹ Первая всеобщая перепись... С. 66, 98–99.

¹² ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8521. Л. 13–19.

¹³ Львов Г.Е., князь. Воспоминания. М., 2002. С. 20, 32, 42, 79.

¹⁴ Сборник – календарь Тамбовской губернии на 1903 год. Тамбов, 1903. С. 306–308.

¹⁵ Текущая сельскохозяйственная статистика Курского губернского земства. Кн. V. Курск, 1903. С. 36, 39.

Однако преобладал локальный бизнес, характерный для периферии, который давал новые рабочие места для местных жителей, главным образом в рамках города, в отдельных случаях с губернским охватом. За 1861–1914 гг. первое поколение предпринимателей из иммигрантов сменилось вторым, у некоторых и следующим включая наследование имущества у бездетных их дальними родственниками и вновьприбывшими, в основном из Германии.

Скажем, в Курске с 1861 г. горожан радовал продажей продуктов из своей колбасной мастерской немец А.И. Гибель, впоследствии выбранный лютеранским старостой. После его смерти в 1902 г. данный бизнес перенял и укрепил молодой германский подданный Р.Д. Эртман.

В 1861 г. в городе поселился Л.М. Вильм, основатель крупной пивоварни и жертвователем денег на строительство кирхи. С его кончины в 1901 г. все дело перешло к семейной чете Квилиц, а к 1914 г. их сыну, которые вывели пивную торговлю на уровень Курской и соседних губерний.

С 1865 г. старшее, а с 1892 г. младшее поколения Мартенсов открыли и держали литейное заведение (с 1875 по 1914 г., одно из трех в городе Курске), продукция которая отмечалась моделями всероссийской и международной выставок. Семья Печке в 1872 г. организовала дрожжевое и спиртовое производство, позднее устроила паровую мельницу с последней сменой владельцев к 1914 г.¹⁶

С 1876 г. пастором Курского прихода лютеран состоял бывший иностранный подданный С.А. Бонвеч, одновременно законоучитель соответствующего вероисповедания в гимназии, где с 1877 г. на учебе был его сын Эрнст, с 1879 г. Георгий Мартенс и т.п.¹⁷

С 1861 г. первым иммигрантом с многолетним сроком обучения молодежи в Курской гимназии, но только танцам, был австриец А.М. Лачиния, в 1865 г. он переехал в Воронеж, где преподавал «танцевание» в различных учебных заведениях до 1880 г., встретив там старость в нищете без пенсии¹⁸.

К 1877 г. в мужской гимназии Курска, помимо пастора, работали 4 педагога с иностранным подданством, в т.ч. уроков французского и немецкого языков, выпускники Парижского и Лейпцигского университетов. На 1892 г. таковых снова четверо, но трое людей – новые лица, зато уже все в чине статских советников и с русскими орденами. Старейший преподаватель В.Г. Брезовар: в Курске с 1870 г., окончил Пражский университет, преподавал древние языки при годовой плате в 900 руб. и 160 руб. дополнительного вознаграждения как классному наставнику. Остальные трое поступили туда с 1877 по 1888 г.¹⁹

В Курском реальном училище к 1892 г. было по двое иммигрантов для преподавания французского (с 1865 по 1884 г.) и немецкого языков (с 1863 по 1884 г.), последний будучи уроженцем России – Ричард Бонвен, старший сын пастора, сменившего подданство – предпочел иметь права иностранца.

Белгородских гимназистов к 1892 г. обучали 2 знатока языков древнего и нового времени из чужеземных подданных, воспитанников Рыльской прогимназии – лишь один²⁰.

Мариинская женская гимназия губернского центра рисует следующую картину участия иноземцев в учебе детей: в 1892 г. 1 мужчина, вел там «новые языки» с 1882 г.; и 1 женщина, с 1885 г. преподаватель французского и одновременно воспитательница. К 1911 г. их сменили российские учителя: вначале Ю.М. Штокман, приехавший из Прибалтики, который «вполне свободно владел немецким, французским и английским языками»; позднее чистокровная русачка Е.И. Решетинская, закончив

¹⁶ Немецкие адреса старого Курска. М., 2011. С. 58–64.

¹⁷ ГАКО. Ф. 185. Оп. 1. Д. 22. Л. 157 об.–158; 187 об.–188; Памятная книжка Курской губернии на 1892 год. Курск, 1892. С. 51, 69 (паг.5).

¹⁸ ГАКО. Ф. 185. Оп. 1. Д. 19. Л. 1–6, 24.

¹⁹ Там же. Д. 44. Л. 72–73; Д. 81. Л. 63; Памятная книжка... С. 51–52 (паг.5).

²⁰ Памятная книжка... С. 52–53, 107–108, 160 (паг.5).

Петербургский женский педагогический институт уже она учила гимназисток французскому языку²¹.

Все вышеуказанное свидетельствует, что постепенное повышение с 1861 г. количества иммигрантов, прослеженное по учительству, сменилось их снижением на заре XX века, причем более резким, чем проявление этого среди владельцев коммерческих объектов с наследуемым статусом.

Общность данной эволюции подтверждает число и детей иммигрантов различного социального положения, что учились в Курской мужской гимназии: к 1 января 1865 г. – ни одного. Первый случай в 1869 г., когда Р. Тольц, сын выходца из Пруссии, приехал с Украины на учебу в 1 класс с наличием 1859 г. рождения.

Регулярное поступление началось с мальчиков, рождавшихся с 1860-х гг. на территории самой Курской губернии. На 1 января 1877 г. гимназистов – «иностранцев» было уже 6 лиц (в разных классах), что составляло 1,3 % ко всем 450 учащимся. В тот же год сделали подсчет по губернской Мариинской женской гимназии – 6 лиц, или 1,5% к 408.

На 1 января 1886 г. – 14 чел., или 3,1% к 449 ученикам мужской гимназии. Зато к 1915 г. потомство иноземцев там упало до 2 детей, что лишь 0,4% ко всем 559 чел. В канун войны последним из германцев, успевшим там отучиться, был Арвид Печке²².

С конца XIX – начала XX веков общее уменьшение числа чужеземцев ускорял переход небольшой части наиболее обрусевших людей в российское подданство как завершающая стадия их полной ассимиляции. Например, в 1899 г. в Тамбовской губернии на основании прошений были «по приведению к присяге приняты в подданство России»: в январе – «бывший шведский подданный Павел Карлов Страндберг», феврале – «бывший прусский подданный Людвиг Фосс» и т.д.²³

По Курской губернии одним из самых значимых примеров перехода в россияне с 1861 г. стала германская семья фармацевта Я.Я. Шиле. В дальнейшем его сын Александр, вернувшись из Швейцарии с профессией окулиста и докторской степенью, с 1886 г. лечил курян, получив известность выступлениями на международных конференциях медиков. Дело семейной династии продолжила дочь последнего Валерия, окончившая Бернский университет с получением степени доктора медицины, в городе трудилась врачом общей практики, а также отвечала с 1903 г. за состояние здоровья воспитанниц Мариинской женской гимназии²⁴.

В 1914 г. среди последних, кто подал заявление о переходе в россияне, на Курщине оказался австриец Р.С. Либерт, что родился в городке Киевской губернии в 1868 г., но т.к. отцовские предки были из австрийского Львова, проситель прошел там воинскую службу с 1888 по 1891 г., по возвращению обеспечивал себя и мать – «русскую дворянку» – работой на Украине. С 1907 г. он «управляющий имением в с. Городенске Львовского уезда Курской губернии». В официальный опрос «какой народности?» и т.п. вписан как «поляк», родными языками считает «русский и польский», принадлежит к «католикам». По отзывам местных властей, «в политической неблагонадежности не замечался, судимости не подвергался, под следствием не состоял, нравственных качеств хороших»; что помогло ему получить к 1915 г. российское подданство как «истинному славянину», желающему прекратить «враждебное гражданство»²⁵.

С середины XIX столетия имперский кодекс сословных законов имел особый раздел, посвященный «состоянию» (положению) «иностранцев», первая статья которого гласила: «Иностранцами признаются все вообще подданные других держав, не

²¹ Там же. С. 54–55 (паг.5); Танков А.А. Исторический очерк Курской Мариинской женской гимназии: 1861–1911 гг. Курск, 1911. С. 122, 184.

²² ГАКО. Ф. 185. Оп. 1. Д. 22. Л. 106.–4, 29 об.–30, 157 об.–158, 187 об.–188; Д. 44. Л. 59, 81; Д. 81. Л. 54; Д. 4. Л. 13; Д. 458. Л. 6.

²³ Государственный архив Тамбовской области (далее ТАГО). Ф. 4 Оп. 1. Д. 4959. Л. 7, 18.

²⁴ Немецкие адреса... С. 49; Танков А.А. Указ. соч. С. 94, 184.

²⁵ ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10719. Л. 1–25.

вступившие установленным порядком в подданство России». До начала Первой мировой войны его общие правила включали указание, что «иностранцы всех вообще наций имеют право свободного приезда и пребывания в России, а равно и выезда из оной...» при ограничениях лишь ряда иммигрантов: евреев – из Западной Европы и китайцев – на Дальний Восток.

Одновременно «иностранцы, находясь в России, как лично, так и имуществу их, подлежат действию российских законов и пользуются общей оных защитой и покровительством», в т.ч. приобретенная ими собственность: от зданий до земель. Запрет касался военной службы в пользу России при ограничениях занимать штатские госдолжности.

Заключение смешанного брака имело следующие последствия: «русская подданная, вступившая в брак с иностранцем», а также их общие дети автоматически считались уже иностранными подданными; а зато «иностранки, вступившие в брак с русскими подданными, а равно...» их общие дети «становились через то самое русскими подданными». Все это у первых формально увеличивало число иностранцев, а вторые фактически уменьшали часть чужеземцев.

Остается добавить о жестком контроле за проживанием иммигрантов, что пересекали границу при наличии паспортов от своей державы с русской визой: «Желающий водвориться в пределах Российской Империи заявляет о сем губернатору той губернии, в которой он намерен прописаться или поселиться с объяснением, чем он занимался в [собственном. – А.К.] отечестве и какого рода занятие предполагает избрать в России. В получении такого объявления губернатор выдает [внутрироссийское. – А.К.] свидетельство, со дня подписания которого проситель признается водворенным»²⁶.

Мало того, чужеземцу данный документ пришнурованный полицией к «национальному паспорту» следовало ежегодно менять, иначе следовал денежный штраф. Жительство без этого удостоверения или с просроченным видом подлежало наказанию, в т.ч. «высылке за границу»²⁷. К 1914 г. данный паспортный режим иммигранты в Центральном Черноземье старательно соблюдали, включая выемку «русского билета» таким лицом, как «персидский подданный Ибрагим сын Саяда с женой Антониной Семеновной, приехавшим в Тамбовскую губернию по билету тифлисского губернатора от 1 сентября 1904 г. и национальному паспорту своего правительства»²⁸.

В городах Центрально-Черноземного региона отношение к иноземцам было относительно толерантным, что объяснялось практикой регулярных контактов коренного населения с проживавшими там иммигрантами. Деревня почти не знала таковых, поэтому воспринимала чужаков настороженно, достаточно обратиться к опросам крестьян Тульской губернии в 1899 г., которые «всех иностранцев недолюбливают и почему-то считают врагами русского народа»²⁹.

С 1900-х гг. кризисные моменты притока иноземцев пополнились социальными и этническими проявлениями: от въезда женщин, занимавшихся проституцией, в частности, датчанка на 1905 г. по г. Тула³⁰; до проникновения китайцев без определенных занятий, более всего с востока в Тамбов: за лето 1912 г. туда прибыли 22 мужчины путем транзита через Воронеж, а также из Пензы³¹.

Зарождение эмиграции трудового назначения с территории Черноземья в пореформенное тридцатилетие имело черты локальности и эпизодичности.

²⁶ Законы о состояниях (издание 1899 г. с прилож. 1906, 1908, 1909 и 1910 гг.) // Свод законов государственных, гражданских, уголовных. СПб., 1911. С. 165–171.

²⁷ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. М., 1867. С. 14.

²⁸ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 7835. Л. 1–4 об.

²⁹ Архив Российского этнографического музея. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1737. Л. 14.

³⁰ Отчет санитарного врача 2-го участка гор. Тулы А.Н. Юргенсона за 1905 год // Медико-санитарный отчет врачей, состоящих на службе Тульского городского общественного управления за 1905 год. Тула, б.г. С. 8–9.

³¹ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 7669. Л. 6–6 об., 14–14 об., 56–56 об.

Начиналась она торговцами из Рыльска на Курщине в середине XIX столетия, закупавших австрийские косы с возведением основателя дела купца Филимонова через награждение габсбургским орденом в австрийские дворяне³². На 1862 г. им с десятками других оптовиков города «косы закупаются в Австрии от самих заводчиков на месте и частью на границе» и с помощью сотен горожан и тысяч рыльских селян «развозятся для распродажи» по всей России. Однако к началу XX столетия это занятие большинству торговцев из-за возросшей конкуренции пришлось свернуть³³.

Развитие пореформенного отходничества крестьян Центрального Черноземья по российской территории сопровождалось проникновением одиночек и артелей в сопредельные государства, в т.ч. тульских коновалов в Болгарию и Сербию, курских плотников в Румынию и Турцию³⁴. Малоземельная и перенаселенная местная деревня в наибольшей степени поставляла в отход неквалифицированные кадры с ограниченной востребованностью и соответственно малооплачиваемостью на русском рынке наемного труда.

С 1900-х гг. наиболее активные из внутренних отходников, ведомые бывшими солдатами и матросами, прошедших службу в западных регионах с массой эмигрантов, переносят в зарубежье поиск более выгодной, но знакомой сферы труда, преимущественно выезжая на американский материк за временными заработками. С тех пор для мужчин Центрального Черноземья именно заокеанская эмиграция становится повсеместным и регулярным занятием.

В 1913 г. туда пароходами – только из Либавы – было отправлено 266 жителей региона (в 1912 г. – 116 чел., т.е. рост в 2.3 раза), в т.ч. Орловской губ. – 111 (31), Воронежской – 75 (21), Курской – 38 (42), Тамбовской – 23 (18), Рязанской – 13 (2), Тульской – 6 (2)³⁵.

Документация о загранпаспортах по Тамбовской губернии за начало 1910-х гг. свидетельствует о преобладании среди мигрантов за океан крестьян (отдельных выходцев из местных городов представляли мещане русской национальности и еврейские поселенцы из западных губерний), выезжавших в США обыкновенно через германские порты (иногда из Одессы)³⁶.

Большинство эмигрантов из Центрального Черноземья устраивались там чернорабочими в промышленности, сельском хозяйстве и строительстве. Высокая плата за тяжелый труд окупала расходы на дорогу и позволяла вернуться на родину с большими деньгами (годовой заработок давал возможность скопить до 1 770 долларов)³⁷.

Некоторые крестьянские мужчины, овладев квалифицированной профессией, вызывали в Америку супругу с детьми и оставались в эмиграции на постоянное жительство. В отдельных случаях сразу выезжали семьями, как это сделал в 1911 г. тамбовский крестьянин со специальностью машиниста П. А. Пастухов³⁸.

В Западной Европе находили работу лишь отдельные специалисты с вузовским образованием, как курский инженер М. Биск (с женой), что работал в Бельгии с 1898 по 1906 г.³⁹ Изредка туда уезжали молодые женщины, которые характеризовались как лица без «определенных занятий» в частности, А. Цветкова, рыльская ме-

³² Просецкий В.А. Рыльск. Воронеж, 1977. С. 53.

³³ Экономическое состояние... Ч.1: XVIII. Курская губерния. С. 26–28; Российский государственный исторический архив. Ф. 573. Оп. 25. Л. 515; ГАКО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 634. Л. 284–293.

³⁴ Государственный архив Тульской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1108. Л. 1; Курская губерния: итоги статистического исследования. Курск, 1887. С. IV.

³⁵ Курчевский Б. *О русской эмиграции в Америку. Либавы*, 1914. С. 14.

³⁶ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 7388. Л. 19, 99 – 103^А об., 132–135, 143–145 об., 206^А, 207–211, 235–235^Б, 256–280, 305, 353–354.

³⁷ Вестник финансов, промышленности и торговли. 1914. № 4. С. 150–151; № 13. С. 628 – 629; № 16. С. 147; Курчевский Б. Указ. соч. С. 16–33; ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 7371. Л. 11.

³⁸ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 7388. Л. 207–211, 235–235^А.

³⁹ ГАКО. Ф. 1 Оп. 1. Д. 7426. Л. 1–22.

щанка, выбывшая в 1903 г. с «желанием навсегда переселиться за границу, причем с «увольнением из подданства России»⁴⁰.

Военные события 1914–1917 гг. закрыли границы, въезд и выезд участников внешних миграций трудового характера остановился, включая Центрально-Черноземный регион. Вместо эмиграции российских мужчин забрали воевать, а подданных вражеских государств (18–45 лет) выслали из региона на далекие окраины, причем по многим с реквизицией собственности, за некоторыми ссыльными добровольно последовали и члены их семей.

Особой трагедией эти репрессии явились для обрусевших иностранцев. К примеру, в августе 1914 г. полиция Курской губернии арестовала для депортации «германского подданного» Николая Карловича Реелитца, который от рождения «православный, говорит только по-русски», поскольку его мать «местная крестьянка»⁴¹.

OUTWARD POPULATION MIGRATION OF THE CENTRAL-CHERNOZEM REGION IN 1861–1917

A.N. KURTZEV

Kursk State University

e-mail: kur-ist@mail.ru

The corporative description of two forms of outward migrations of labour character: immigration and emigration is given. The author has investigated their important traits of 1861–1917 on the basis of statistics and archival data by the example of the Central-Chernozem Region, stated that the former was of earlier development, irretrievable and notable for foreigners assimilation. Labour emigration arose later, was mainly return and less significant for the region.

Key words: history, the Central-Chernozem Region, 1861–1917, immigration, emigration.

⁴⁰ Там же. Д. 7309. Л. 1–7.

⁴¹ ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8521. Л. 94, 385–385об., 496–496об., 530–533, 575об.